

Р. МАЙЕР

О древнейшем венгерском переводе отрывка из «Повести временных лет»

В 25-м номере второго полугодия 1821 г. венгерской газеты «*Hasznos Mulatságok*» («Полезные увеселения») в разделе «Исторические, топографические и статистические достопримечательности» появилась статья под заглавием «Олха, или Страшная месть», которая представляет собой краткое, сопровождаемое небольшим комментарием переложение рассказа Повести временных лет о смерти Игоря и мести Ольги древлянам. Насколько нам известно, это не только первый венгерский перевод части древнерусской летописи, но и первый венгерский перевод русского художественного произведения вообще, ибо, по данным венгерской библиографии о литературе народов, живших на территории СССР до 1944 г., переводов с русского до 1828 г. не существовало.¹

Газета «*Hasznos Mulatságok*» и ее редактор Иштван Кулчар играли важную роль в венгерской журналистике 20-х гг. XIX в.

Первый период расцвета венгерской журналистики начался в 1780-е гг., длился до середины 90-х гг. и закончился с приходом к власти императора Франца I в 1792 г. Из-за строгих цензурных правил в 1805 г. существовало всего лишь пять политических газет: одна на венгерском языке, одна на латинском и три на немецком (тогда как в 1792 г. одних газет на венгерском языке было восемнадцать). В 1793—1803 гг. новые политические газеты не выпускались. В период с 1805 по 1832 г. издавалось всего две газеты. До 1830 г. политическая печать была представлена двумя газетами: «*Erdélyi Hirmondó*» («Трансильванские ведомости») и «*Hazai Tudósítások*» («Отечественные известия») — последняя под редакцией Кулчара. Газета «*Hazai Tudósítások*» начала выходить 2 июня 1806 г. Через два года, после снятия запрета с сообщений о зарубежных событиях, редактор заменил ее название новым — «*Hazai és Külföldi Tudósítások*» («Отечественные и зарубежные известия»). Выход этой газеты чрезвычайно важен тем, что до 1806 г. в городе Пеште газет на венгерском языке не издавалось. «*Hasznos Mulatságok*» печаталась с 1817 г. в качестве приложения к газете «*Hazai és Külföldi Tudósítások*», также под редакцией Кулчара. Целью редактора было разгрузить газету «*Hazai és Külföldi Tudósítások*», поэтому в приложении он публиковал художественные произведения, песни, элегии, эпитафии, статьи разного содержания (и разной ценности) по истории, археологии, нумизматике, географии, этнографии, сельскому хозяйству. Большое внимание Кулчар уделял вопросам национального языка и в этой связи во-

¹ См.: S. Kozocsa, G. Rado. A szovjet népek irodalmának magyar bibliográfiája 1944-ig. Szerk. Budapest, 1956.

просам театра; живо интересовался историей и древностями, причем древностями не только в области литературы, но и в области языкознания, изобразительного искусства и т. д.

Самым ценным в журналистской деятельности Кулчара, находившегося под влиянием Гердера, были его призывы к собиранию народных песен и публикация самих этих песен. Интерес к народной культуре сочетался у него с интересом к древности. И там и тут его привлекала оригинальность и национальная самобытность.

Опубликовав статью «Олха, или Страшная месть», редактор, однако, не указал, что это часть большого произведения, не назвал источника и имени переводчика. Возникает вопрос: знал ли редактор вообще, что он напечатал в своей газете? Комментарий, написанный им к этой статье, показывает, что не знал. Речь в нем идет только лишь о характере женщин, об отрицательном влиянии на них сильных страстей: «Az asszonyoknak is szabad erősen szeretniök; az ő gyengéded lelkeikben is támadhatnak hatalmas indulatok, de azoknak munkáikon's következőzéseiken mindenkör a'Nem Kharakterét, a'Szelidséget, kelletik viselni. Mert ha azok férfiúi lármává nevedeknek, 's az elejökbe szabott határt által lépik, semmisem rettenetes, semmisem borzasztó czéljok végre hajtásában; mint ezt Olha megbizonyította» («И женщинам дано крепко любить, и в их нежных душах возникают сильные страсти, но их поступки и последствия их страстей всегда должны отражать характер пола, кротость. Если их страсть достигает степени мужской ярости и переступает установленные границы, женщины ни перед чем не останавливаются для достижения своей цели, как доказала нам Олха»). Думается, если бы Кулчар с его интересом к древним народным культурам знал, с каким произведением он имеет дело, он написал бы в своем примечании еще что-нибудь, например о национальном характере русских, о высоком уровне древнерусской письменности и литературы и т. п.

Второй вопрос: чем же воспользовался редактор? Вряд ли ему был знаком оригинальный, написанный на древнерусском языке текст. Сам он нигде не упоминает о том, что владеет русским языком; не сообщают нам этого и его биографы.² В богатой библиотеке Кулчара, насчитывавшей более 4000 томов, не было ни одной книги на русском языке и лишь одна книга по русской тематике.³ По всей вероятности, Кулчар познакомился с отрывком русской летописи в переводе на иностранный язык. На какой?

С 1808 г., как мы говорили, газета Кулчара могла давать венгерским читателям информацию о зарубежных событиях. Для осуществления этой задачи редактор выписывал популярные французские и немецкие газеты и журналы, но в своей программной декларации конкретно их не назвал.⁴ Доказан факт, что статьи по русской теме редактор брал из английского журнала «Westminster Review», сотрудники же этого журнала черпали материал непосредственно из литературного альманаха Рылеева и Бестужева «Полярная звезда».⁵ «Полярная звезда» издавалась в 1823—1825 гг., так что служить источником в данном случае она не могла.

² См.: G. A l a p i. Kultsár István (1760—1828). Komárom, 1911; J. M a r k o s. Kultsár István. Pannonhalma, 1940.

³ См.: G. A l a p i. Kultsár István (1760—1828) és könyvtára. Komárom, 1928. В этой статье упомянуты кн.: J. R i c h t e r. Russische Miscellen, 1—3. Bd. Leipzig, 1803.

⁴ Hazai Tudósítások, 1808 (I) 368.

⁵ J. F e n y ő. Az orosz irodalom fogadtatása a reformkori magyar hírlapirodalomban.— In: Tanulmányok a magyar-orosz irodalmi kapcsolatok köréből, I. Budapest, 1961, с. 209.

Йожеф Перени в статье «Венгерские аспекты русских летописей» говорит о первостепенной роли в работе Кулчара западных источников: «Собрание материала и издание в первую очередь были ограничены немецкими, итальянскими и т. д., то есть западными источниками». ⁶ К. Бор подчеркивает значение немецкого языка в качестве связующего звена между русским и другими языками Центрально-Восточной Европы: «Из-за географических и политических отношений первыми и самыми устойчивыми посредниками между Россией и Западом в духовной области были немцы». ⁷ Наконец, приведем мнение А. Ходинки, первого переводчика полных текстов русских летописей на венгерский язык: «. . . большинство наших историков не умело пользоваться старыми русскими текстами, поэтому они должны были удовольствоваться либо чужими переводами, либо их сокращением. . . ». ⁸ А. Ходинка упоминает латинский и немецкий перевод Повести временных лет. По всей вероятности, некоторые отрывки Повести временных лет уже до полного перевода были переложены на иностранные языки и таким образом стали известными в Европе. Но все-таки мы не можем точно определить, с помощью какого языка дошел до Кулчара отрывок из русской летописи. Немецкий язык, по-видимому, наиболее вероятен. Решению вопроса мог бы послужить, вероятно, анализ транскрипции собственных имен существительных.

Третий вопрос: какова разница между оригинальным текстом и венгерским переводом?

Венгерский перевод, опубликованный в «*Hasznos Mulatságok*», гораздо короче древнерусского оригинала. Неясно, сам ли Кулчар сократил текст, или он уже в таком виде получил материал. Но цель сокращения очевидна: редакторы просто хотели опубликовать интересную историю. История сжата, ее композиция прямолинейна. О смерти Игоря и ее причине говорится очень кратко: «*Igor Herakleáig's Nikodémiáig vévén győzödelmes seregeit, végre megverettetett, 's futása közben Malditto, a' Drevulok Fejedelme megölte's eltemettette Koreste nevű helyben*» («Игорь довел свои победоносные войска до Гераклея и Никодемии, и наконец потерпел поражение, и во время бегства был убит древлянским князем Малдитто и похоронен на месте Кореште»). О сыне Игоря автор перевода-перевелки пишет: «*Suatolaus a' megölettettnek Fia m'g gyenge Gyermek lévén. . .*» («Сын убитого Суатолаус еще был слабым ребенком. . .»). О кормилице, оставшейся в Киеве, не упоминает. Ни слова нет о географическом положении Киева, о собирании Игорем дани, о вторичном походе к древлянам. Эпизоды мести описаны менее подробно, чем в оригинале. Редактор хотел лишь показать превращение слабого женского характера в «яростный мужской характер» и трагические последствия этого, и ему было достаточно одних фактов, без детализации. Вот пример. В венгерском тексте написано: «*A' Drevulok 20. Küldötjök által nem annyira kérték, mint parantsolták neki, hogy Fejedelmöknek adja kezét, szívét. Ezen Küldötteken kezdé Olha Férjének, 'a szeretettnek szánt iszonyú áldozatokat. Ugyan is mind a' húszat elevenen eltemettette*» («А древляне через 20 посланцев не столько просили ее [Ольгу], сколько приказывали ей выйти замуж за их князя, отдать ему руку и сердце. С них начала Олга приносить страшную жертву мужу любимому: всех их 20 человек засыпала живыми»). В древнерусском оригинале Ольга ведет разговор с посланцами, дает

⁶ J. Perényi. Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai. — Ibid., p. 28.

⁷ K. Bor. Orosz tudományos és irodalmi vonatkozások a magyar nyelvű hirlapiródalomban (1780—1824). — Ibid., p. 88.

⁸ A. Ho d i n k a. Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai. — In: Az orosz évkönyvek teljes gyűjteménye. Budapest, 1916, c. 2.

им «совет», издевательски спрашивает, как они чувствуют себя в тяжелом положении.

Однако же, сокращая, переводчик придерживается точных данных источника, особенно числовых. Отметим также, что прямую речь оригинального произведения он воспроизводит всегда как косвенную. Избегая подробных описаний, автор перевода-переделки старается произвести на читателя впечатление «усилительными» эпитетами и другими стилистическими средствами, которых или нет в древнерусском тексте, или они не так сильны. Святослав не «дѣтский», а «gyenge Gyermek» («слабый ребенок»). «Лучшие мужи» древлян оказываются здесь «fényesebb rangú kővetek» («блестящие посланцы высокого чина»). Ольга — «örömet színlelő szép özvegy» («симулирующая радость красивая вдова»), которая «Bosszú lehellő» («дышит мщением»). Члены дружины не просто убили врага, а «felkonczol» («перерезали»). Стилистическая разница лучше всего видна при сравнении последнего предложения венгерского перевода-переделки с соответствующим отрывком оригинального текста. Вот перевод: «Az emésztő tűzből futókat kedvére öldöstetf az engesztelhetetlen menyaszszony, és csak kevesen menekedhettek meg, kiket a'győződelmes rablánczon Kiovba hurczoltata» («Бегущих из губительного огня на удовольствие непримиримой невесты убили, только немногие спасли свою жизнь, на которых победоносная надела кандалы, и их потащили в Киев»). Древнерусский же текст не расписывает события, но констатирует факты: «И побѣгоша людѣ изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати е, яко взя градъ и пожже и, старѣйшины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другия работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань. . . и приде въ градъ свой Киевъ съ сыномъ своимъ Святославомъ и пребыши лѣто едино».⁹

Итак, характер публикации в венгерской газете 1821 г. рассказа о мести Ольги и те стилистические изменения, которые претерпел здесь этот отрывок русской летописи, показывают, что редактор Иштван Кулчар почерпнул его из иностранного материала и, ничего не зная о Повести временных лет, был пленен лишь оригинальностью этой старой истории, той оригинальностью, которую он сознательно искал и в венгерской литературе.

⁹ ПСРЛ, т. I, вып. 1. Изд. 2-е. Л., 1926, стб. 59—60.